

КРИСТИН ДУАЙЕР

ОШИБКИ,
КОТОРЫЕ МЫ
СОВЕРШИЛИ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2023

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д79

Kristin Dwyer
SOME MISTAKES WERE MADE

Copyright © 2022 by Kristin Dwyer
Published by arrangement with HarperCollins
Children's Books, a division of HarperCollins Publishers.

Перевод с английского В. Ивановой
Художественное оформление Я. Клыга
Иллюстрация на переплете @00maruu

Дуайер, Кристин.

Д79 Ошибки, которые мы совершили / Кристин Дуайер ; [перевод с английского В. Ивановой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-187040-9

У восемнадцатилетней Эллис было трудное детство. Отец отбывал срок в тюрьме, а мать страдала алкоголизмом и закатывала истерики. К счастью, Эллис встретила Истона Олбри, и он и его братья стали для нее семьей.

Они были неразлучны, но неожиданно в их судьбах случился резкий поворот. Одно поспешное решение перевернуло всю их жизнь, и отношения испортились. Эллис пришлось переехать на другой конец страны, подальше от всего, что было ей дорого.

Спустя год мама Истона приглашает ее в гости на день рождения. Сначала Эллис отказывается, но потом решает приехать. Несмотря на боль и предательство, она все еще хочет увидеть своего лучшего друга, которого никогда не переставала любить.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-187040-9

© Иванова В., перевод на русский язык,
2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Дэвиду, который всегда думает обо мне.
И совершенно точно не Эдриенн Янг, кото-
рая сказала, что купит шестьсот копий этой
книги, если я посвящу ее ей, и сожжет их.
Эта книга целиком и полностью посвящена
не тебе

1

Я ДУМАЮ О НЕМ. СНОВА. В ЭТО САМОЕ МГНОВЕНИЕ, в котором ему нет места. Там, куда его не приглашали. И мне приходится быть осторожной, потому что воспоминания подобны дождю: сначала одна безобидная капелька падает на мой разум, затем другая, а потом я вдруг оказываюсь под ливнем.

Верх академической шапочки, что я держу в руке, совершенно пуст. Темно-зеленый атлас покрывает головной убор без единого украшения — в отличие от других шапочек, принадлежащих остальным выпускникам из моего класса. Ничего, что характеризовало бы человека, который ее носит. Ничего о ее владельце.

Был бы верх моей академической шапочки так же пуст, будь здесь он? Я гоню от себя эту мысль и глубоко вздыхаю, освобождая проход. Группа однокурсников протискивается мимо меня на огромном стадионе, а я стою у них на пути. Поднимаю глаза к голубому небу, уже начинающему розоветь.

Закаты здесь кажутся не такими, как на Среднем Западе, — ярче, словно свет по-настоящему золотой.

— О боже, — произносит одна из девушек с мелодичным калифорнийским акцентом. Здесь говорят по-другому. Как бы мне хотелось оказаться сейчас дома! Как бы мне хотелось...

На другой стороне покрытого зеленой травой поля я вижу Такера Олбри. Он не тот, кого мне так не хватает. Парень явно направляется ко мне. Глаза его скрыты за солнечными очками, а светлые волосы растрепаны после занятий серфингом. Такер выглядит так, будто он здесь родился. Руки засунуты в карманы идеально сидящих джинсов, последние пуговицы рубашки расстегнуты, приоткрывая треугольник загорелой груди. Он прекрасен безо всяких усилий, будто он родом не из того же городка на равнине в Индиане, где мы оба выросли, а его дом — Южная Калифорния.

Это не так. Такер улыбается и подмигивает группе девушек, что проходят мимо него. Они хихикают, и одна из них оглядывается через плечо, а я уже не в первый раз испытываю чувство благодарности к Такеру за то, что со мной он не флиртует. Улыбка Такера — мощное оружие. Таковы все братья Олбри.

Мой взгляд выражает суровость, хотя на самом деле это не так. Я так смотрю с детства: что-то среднее между искренностью и нахальством.

— Что? — Такер беззаботно пожимает плечами.

— Мой выпускной не место для твоего флирта.

— Эллис Трумэн, — он прикладывает к сердцу загорелую руку, — когда, если не сейчас? Кто, если не я?

Я закатываю глаза.

— Поищи следующую жертву в другом месте.

— Я оскорблен твоими словами! — Его рука ложится мне на плечи, и я испытываю глубокое чувство облегчения, что он здесь. По крайней мере, Такер со мной. Я сотни раз представляла себе этот день, но ни разу именно таким. Я благодарна, что хотя бы что-то пережило прошлый год. И это Такер.

Он достает телефон.

— Покажи нам свой сертификат «Об окончании страданий средней школы».

Я показываю.

— Не у себя перед лицом, глупая.

Я со вздохом опускаю диплом пониже, чтобы камера сняла и меня. Темные волосы, не выющиеся и не прямые, веснушки, которым, кажется, теперь не суждено сойти из-за бесконечного местного лета, блеклые голубые глаза.

Мне не хочется улыбаться. В нескольких метрах от нас стоит группа сияющих загорелых блондинок, лощенных и безупречных.

— А теперь, — говорит Такер, — тебе осталось только сделать вид, что ты слегка рада.

Я широко улыбаюсь и приоткрываю рот, будто говорю: «Ура! Я свободна!»

Такер снимает фото и опускает руку, ворча:

— С тобой ужасно сложно... Ты знаешь, что девушкам обычно нравится фотографироваться с горячими парнями?

Я смеюсь. Такер не горячий парень. Уж точно не для меня. Он мне почти как брат, лучший и единственный друг в Сан-Диего.

Я не успеваю ответить — меня кто-то обнимает.

— Ты это сделала!

Я напрягаюсь всем телом, когда тетя Кортни громко чмокает меня в щеку. Увидев оставленный ее помадой след, она со смущенной улыбкой пытается его стереть.

— Прости, — бормочет она. Рядом со мной она всегда где-то между слишком дружелюбной и слишком беспокоящейся.

Я пытаюсь быть благодарной за то, что она сделала для меня в этом году. Но не могу перестать думать о том, что потеряла, приехав в Калифорнию.

Убрав за ухо прядь каштановых волос, тетя прокашливается.

— Теперь ты выпускница. — Ее слова звучат подоброму, но робко. — Как ощущения?

Как и относительно всего остального — все неправильно.

Но она ждет не такого ответа. Я приподнимаю уголки губ.

— Все отлично, наверное.

Ее улыбка чуть тускнеет, когда она смотрит на кисточку моей шапочки. Я рассеянно перебираю пальцами оранжевые и белые синтетические нити. Мне не нравятся эти цвета, потому что они не те. Вместо них должны быть голубой и серебряный школы «Сильван-Лейк-Хай».

— Ты сможешь повесить ее на зеркало заднего вида, когда у тебя появится машина. — Тетя смотрит на меня, поправляя очки на носу. — А может, ребята так больше не делают.

Как будто я знаю, как делают ребята. Она, похоже, упустила тот факт, что у меня тут нет друзей.

Такер издает стон, закидывая руку мне на плечо.

— Никуда не вешай эту отвратительную кисточку. — Он выхватывает у меня шапочку и поднимает ее. Темно-зеленая ткань переливается на солнце. — Но я бы все равно разукрасил эту дурацкую шапку. Диксон в прошлом году маркером нарисовал на моей пенис.

— Такер, — произносит тетя, притворяясь возмущенной.

— По правде говоря, я нарисовал ему сзади на мантии женские груди, когда он выпускался. И он так и проходил с ними всю церемонию.

У меня в голове вспыхивают воспоминания. Чуть позже тем вечером Диксон швырнул Такера в озеро и оставил синяк под глазом. Я почти чувствую запах летней травы, вспоминая кое-что еще.

Истон под темнеющим небом. Взгляд вверх на звезды. Ноги, опущенные с пирса в воду. Кожа так близко к моей, что я чувствую ее жар.

Воспоминания накрывают меня дождем, и я закрываю глаза. Слишком солнечно для всего этого.

— Ты пойдешь на выпускную вечеринку? — Тетя Кортни спрашивала меня уже пять раз, как будто мой ответ от этого изменится. — Тот парень говорил, что-то будет на пляже?

— Парень? — Такер наклоняется к нам. — Симпатичный?

Мягко кладу ладонь ему на лицо и отталкиваю.

— Не собираюсь идти ни на какую вечеринку. Я даже не знаю этих людей.

Красные губы тети сжимаются в тонкую линию.

— Ты занят, Так? — спрашиваю я. — Мы могли бы сходить на пляж. — Пытливый взгляд тети заставляет меня добавить: — Другой пляж.

Я слышу в его голосе неуверенность, когда он отвечает:

— Конечно.

Он лжет насчет того, что у него нет планов. Такеру всегда есть куда пойти.

У меня жужжит телефон. «@duckertucker отметил вас на фотографии». Открываю уведомление и вижу нас обоих, улыбающихся на фоне синего неба. У меня в руке диплом, а на плечах мантия, зеленый цвет которой мне совершенно не к лицу. Но я кажусь счастливой. Очередное подтверждение, что социальные сети — ложь.

Три дня назад моя новостная лента пестрела такими же фотографиями из моей прежней школы в Индиане. На снимках — мои бывшие одноклассники с улыбками и в голубых мантиях. Почему этого нет у меня? Эти фотографии должны были принадлежать мне.

— Ужин? — спрашивает тетя Кортни.

Я представляю, как сижу напротив тети в каком-нибудь сетевом ресторане, мы едим, и она пытается

расспросить меня о том, о чем, по ее мнению, должен спрашивать взрослый, родитель. Но она мне не мать, а всего лишь младшая сестра отца, которой не повезло остаться единственным достаточно надежным взрослым, чтобы взять меня под опеку. До этого года я видела ее только на Рождество. Тетя, которую ты видишь раз в год, не тот человек, с которым хочется отмечать одну из самых памятных дат своей жизни.

— Я не настолько голодна.

— О, — улыбка сходит с лица тети, но быстро возвращается. Как и мое чувство вины. — Деньги нужны?

— У меня есть, — отвечаю я. Это еще одно, что я не позволяю ей делать.

— Ладно. Вернешься не слишком поздно? — спрашивает она, но в этом «не слишком поздно» нет никакого смысла. Я ни разу не приходила позже десяти, после того как переехала к ней.

Такер продолжает набирать сообщения в телефоне, и мне становится интересно, с кем он переписывается. Я подавляю любопытство, потому что оно слишком напоминает надежду.

— Эй! — Я толкаю его бедром, и он поднимает взгляд, на мгновение смутившись.

— Прости, — он извиняется и сует телефон в карман, — я просто писал...

Мне так хочется задать вопрос, он уже вертится на кончике языка. Это могли быть просто слова. Но я боюсь, что в них проявится нечто большее, чем вопрос.

Своей маме? Своей семье? Истону?

Глаза Такера меняются. В них появляется жалость, и я сглатываю досаду. Я всегда вызываю сочувствие, но получать его от Такера — это невыносимо. Он должен видеть меня иначе. Он должен понимать.

— Пляж?

Я глубоко вздыхаю.

— Да.

Это всего в двух кварталах отсюда, потому что в пляжном городке Сан-Диего все неподалеку. Тетя Кортни машет нам на прощание и уходит на парковку, а я игнорирую собственное чувство облегчения. Как же паршиво испытывать его по отношению к человеку, который всегда так добр ко мне.

Я шагаю навстречу волнам, а Такер подходит к фургончику, где продают буррито. Тихий океан так шумит, что вокруг почти тихо. Тишина, в которой ты оказываешься, подобна туману, в какой-то момент ты перестаешь в нее вслушиваться и начинаешь чувствовать. Я зарываю ноги в песок и смотрю, как солнце погружается в черную воду.

Такер бросает на песок между нами коричневый пакет с чипсами, и я опускаюсь рядом с ним. Он протягивает мне буррито.

— Аль пастор¹, без риса, без бобов, потому что ты невыносима.

Я обшариваю пакет.

— А где зеленый соус? — спрашиваю я.

— Сказали, закончился.

Я смотрю на него.

— Ты знаешь, что у тебя голос становится выше, когда ты врешь?

Он насмешливым тоном подражает моему голосу:

— Спасибо за буррито, Такер. Ты лучше всех. Спасибо, что бросил все, чтобы погулять. Схожу за зеленым соусом сама, я же не трусиха.

У меня вырывается стон. Как будто соус — это сейчас самое важное и я без него умру.

— Ты знаешь, что продавщица меня ненавидит. А тебе всегда дает зеленый соус с добавкой.

.....
¹ Al pastor (и с п.) — «по-пастушьи». Начинка из свинины, замаринованной в специях и приготовленной на вертеле (Здесь и далее прим. пер.).

— Как драматично, — бормочет он, разворачивая фольгу, — ничего не могу поделаться с тем, что Марии нравится все красивое.

Мы поднимаем буррито, и Такер делает снимок на фоне волн. Он подписывает его как «Праздничные буррито с моей девочкой». Я откусываю край лепешки и смотрю на горизонт. До нас доносятся крики людей, играющих в воде. Море уже начало выползать на берег.

Доев, Такер откидывается назад, опираясь на локти, и смотрит на закат.

— Ну, что дальше?

Он спрашивает не про сегодняшний вечер и не про завтрашний день. Он спрашивает о том, чем я собираюсь заняться теперь, когда я окончила школу. Теперь, когда мне восемнадцать. Теперь, когда я свободна.

Я провела весь последний год жизни в ожидании. Ожидании, когда наконец сделаю выдох, что сдерживала с последнего лета. Ожидании, когда забуду обо всем том, чего у меня нет. Ожидании, когда забуду о нем.

Мы с Истоном собирались попутешествовать, закончив старшую школу. И только после того как мир проникнет в нас до самых костей, а мы разбросаем по нему частички себя, мы пошли бы в колледж. Вместе.

Но вместо участия в празднике полной луны в Таиланде и планирования лучших способов потеряться в Праге я провела выпускной год, пытаюсь разобраться, кто я, когда все это исчезло.

Без Истоны.

— Калифорнийский университет в Сан-Диего. — Мой ответ звучит как набор слов, но мне хочется, чтобы в нем слышался оптимизм. В колледже я могу решить, кем хочу быть. — Летом буду работать, а осенью пойду учиться.

— И это все? — спрашивает он.

Я набираю пригоршню песка и выпускаю его струйкой.

— Наверное.

Такер задумчиво мычит.

— Она тобой гордится, — я не спрашиваю, кого он имеет в виду. К чему тратить наше время — он говорит о своей маме. — Она хотела бы быть здесь.

Естественно, она хотела, но у нее нет такого права. Я еще глубже погружаю ноги в песок.

— Да мне как-то все равно.

Такер смеется, но невесело.

— Ты худшая из всех лгунов.

Я чувствую необходимость оправдаться перед ним, что уже само по себе раздражает.

— Я сделала все, как она просила. Переехала в Калифорнию. Окончила старшую школу. Поступила в колледж. Она хотела быть здесь ради нее самой. Потому что все получилось именно так, как хотела она.

Но я не уверена, что все получилось так, как хотела я.

— Эллис, я знаю, ты сама в это не веришь, и только поэтому я сейчас не закапываю твое мертвое тело в песок. Моя мама тебя любит. И всегда любила.

Может, когда-то и любила. Вероятно, было время, когда Сэндри Олбри любила меня как свою дочь, но так давно.

— Ты сказал ей про Калифорнийский университет в Сан-Диего? — спрашиваю я.

Он открывает рот, чтобы ответить. Закрывает. Снова открывает.

— Думаю, об этом она должна услышать от тебя, так ведь?

Он прав, и эта мысль меня раздражает. Я хочу рассказать Сэндри. Хочу увидеть, как на ее лице отразится гордость, даже если это лишит меня моей собствен-